

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
ЛУВЭЙ ЦЗОУ, МИХАЙЛОВА М.В. ЖЕНСКАЯ ЛИНИЯ
В РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ДО И ПОСЛЕ А.А. АХМАТОВОЙ.
СПб.: Нестор-История, 2023. 204 с.**

Ю.В. Шевчук

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия; julyshevchuk@yandex.ru

Аннотация: В рецензии рассматривается научная монография, которая посвящена исследованию русской лирики XIX и начала XX века, представленной именами А. Ахматовой, Е. Ростопчиной, М. Лохвицкой, Л. Копыловой, Н. Львовой, В. Инбер. Взятый за основу хронологический принцип осмысления форм психологизма «до и после Ахматовой» разделит книгу на три главы. В них поэтапно выявляются истоки и специфика психологизма Ахматовой, анализируются ее открытия в создании женского образа в первой половине 1910-х годов и творческое восприятие ахматовской лирики поэтессами-современницами. В приложении публикуется обзор «Восприятие личности А.А. Ахматовой и ее творчества в Китае». Результативны сравнительно-типологический, культурно-исторический и гендерный подходы в исследовании любовной лирики, активно применяется авторами сопоставительный анализ стихотворений. Отмечается глубина проработки проблемы психологизма в лирическом произведении и ценность общего итога, раскрывшего особенности развития женской поэзии начала XX века.

Ключевые слова: психологизм; лирика; женское; А.А. Ахматова; Ф.И. Тютчев; Е.П. Ростопчина; М.А. Лохвицкая; Л.Ф. Копылова; Н.Г. Львова; В.М. Инбер

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-17

Для цитирования: Шевчук Ю.В. Рецензия на книгу: Лувэй Цзоу, Михайлова М.В. Женская линия в русской поэзии: до и после А.А. Ахматовой. СПб.: Нестор-История, 2023. 204 с. // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 202–206.

**REVIEW OF THE BOOK:
LUWEI ZOU, MIKHAILOVA M.V. THE FEMALE LINE
IN RUSSIAN POETRY: BEFORE AND AFTER
A.A. AKHMATOVA. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2023. 204 p.**

Yuliya Shevchuk

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; julyshevchuk@yandex.ru*

Abstract: The review considers a monograph that is devoted to the study of Russian lyrics of the 19th and early 20th centuries, represented by the female names of A. Akhmatova, E. Rostopchina, M. Likhvitskaya, L. Kopylova, N. Lvova, V. Inber. The chronological principle of understanding the forms of psychologism “before and after Akhmatova” divided the book into three chapters. They gradually reveal the origins and specifics of Akhmatova’s psychologism, analyze her discoveries in creating a female image in the first half of the 1910s and the creative perception of Akhmatova’s lyrics by contemporary poetesses. The appendix publishes a review “Perception of the Personality of A.A. Akhmatova and Her Work in China”. Comparative-typological, cultural-historical and gender approaches are effective in the study of love lyrics, the authors actively use a comparative analysis of poems. The depth of the study of the problem of psychologism in the lyrical work and the value of the overall result, which revealed the peculiarities of the development of female poetry at the beginning of the 20th century, are noted.

Keywords: psychologism; lyrics; female; Akhmatova; Tyutchev; E. Rostopchina; M. Likhvitskaya; L. Kopylova; N. Lvova; V. Inber

For citation: Shevchuk Yu. (2025) Review of the Book: Luwei Zou, Mikhailova M.V. The Female Line in Russian Poetry: Before and After A.A. Akhmatova. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2023. 204 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 202–206.

В 2023 году в издательстве «Нестор-История» вышла книга Лувэй Цзоу и Марии Михайловой — совместный труд филологов из Китая и России, посвященный исследованию русской любовной лирики XIX и начала XX века, представленной женскими именами, среди которых важнейшей «точкой отсчета» становится ахматовская поэзия 1910-х годов. Не умаляя влияний русской психологической прозы, творчества Анненского и опыта акмеистского «цеха» на формы психологизма у Ахматовой, в первой главе («Истоки психологизма ранней лирики А.А. Ахматовой») авторы размышляют над тем, что в качестве идейно-эмоционального ориентира ею могли быть восприняты лирические произведения Тютчева и Ростопчиной (как наиболее ярких выразителей «мужской» и «женской» линий в поэзии XIX века). На рубеже столетий ахматовской героине пред-

шествует психология новой женщины в лирике Лохвицкой, начавшей публиковаться в год рождения Ахматовой. Феномен «подахматовок» раскрывается в заключительной части книги на примере «женского письма» Л. Копыловой, Н. Львовой, В. Инбер: задается такой ракурс восприятия ахматовских произведений, при котором особенно заметна их непрямая исповедальность.

В ахматоведении проблема психологизма была поставлена одной из первых, и к сегодняшнему дню накоплен материал, требующий обобщения и специального разговора в аспекте актуальной теории и методологии. В рецензируемой книге психологизм лирики Ахматовой исследуется как самостоятельная научная проблема, наиболее важными для авторов являются психологический, сравнительно-типологический, культурно-исторический и гендерный подходы. Проблематика исследования, судя по представленному в приложении обзору «Восприятие личности А.А. Ахматовой и ее творчества в Китае», соответствует также запросам современной гуманитарной науки в Китае и читательским предпочтениям соотечественников Лувэй Цзоу, с особым интересом осваивающих именно любовную лирику поэта.

Книга дает представление о психологизме Ахматовой, имеющем, условно говоря, две стороны — одна обращена к вещному миру, тяготеет даже к натурализму во внешнем описании, другая отражает сложный душевный и духовный опыт женщины рубежа веков, для которой «веществом» не менее плотным, чем буквальные вещи окружающего мира, становятся переживания культурных смыслов, а также непростые ощущения, связанные с религиозной сферой. В отличие от предшественниц и современниц по «женской линии» Ахматова выражала состояния личности, погруженной в свой внутренний мир, но при этом отражающей общее напряжение жизни. Об этом свидетельствуют расположенные в разных частях книги подробные разборы стихотворений «Песня последней встречи», «Сжала руки под темной вуалью...», «Сад» и др. Заметим только, что иногда авторы монографии излишне проговаривают суть любовных ситуаций, стремясь прояснить самые тонкие переживания поэта, героини, читателя. Впрочем, думается, сложность решения задач постижения ахматовского психологизма не в последнюю очередь связана со складом личности героини, не смеющей говорить о самом важном. И в целом человеческая психология у Ахматовой — сфера «невыразимого»: внешне выражая внутреннее через жесты, физические ощущения, диалоги, фигуры умолчания, автор улавливает момент переживания на границе осознанного видения, волевого порыва и бессознательного, интуитивного ощущения.

В первой главе в качестве предшественника, погруженного в психологический мир любви, по «мужской линии» проходит Тютчев.

Действительно, именно тютчевский психологизм, раскрывающий напряжение любовной ситуации на социально-историческом и космическом фоне, близок ранней Ахматовой — и не только ей в русском модернизме, смело глядящем на внешние потрясения и катастрофы сквозь трепещущий внутренний мир отдельной личности. Авторы отмечают, что «Ахматова разделяет взгляд Тютчева на любовь как “роковой поединок”, и у нее лирическое “я” (героиня) тоже смотрит на ситуацию “со стороны”, представляет себе свершающееся или произошедшее как сцену, где действуют персонажи» (с. 35). Рассматривается непростая временная и субъектная организация ранней лирики Ахматовой, обнаруживающая своеобразие ее психологизма. О времени в книге говорится больше, чем о системе субъектов. Ахматовское «я» показывается как полифоничное, чутко настроенное на Другого, раскрывающееся в диалогических отношениях и сложно представленное именно в лирике начала 1910-х годов, где еще не слышен гул эпохи, нет библейской эпикейки, но уже присутствует многоголосье — в доме, природе, хоре — и, наоборот, молчание, немота, тишина как звук «оттуда».

Сопоставление переживаний лирической героини Ахматовой с героинями Ростопчиной и Лохвицкой плодотворно для понимания того, насколько смело и беспощадно акмеистка преодолевает гендерные стереотипы, идет дальше предшественниц и современниц, у которых героини уже не абсолютно покорны, не безмолвны, претендуют на собственное «я» (как в «Насильном браке» Ростопчиной). Стоило, однако, более подробно остановиться на том, что важным стимулом психологического сюжета для Ахматовой, создавшей образ женщины, главные области самореализации которой — любовь и творчество, становится конфликтность именно этих сфер. Сначала Муза отнимает у героини обручальное кольцо, «первый весенний подарок» («Музе», 1911), а позже автор напишет: «Одной надеждой меньше стало, / Одной песней больше будет» («Я улыбаться перестала...», 1915). В ранней лирике Ахматовой, испытывающей искреннее притяжение к всечеловеческой обыденности жизни, творчество является драматическим способом самосохранения личности.

Сопряжение любовного и творческого обнаруживается исследователями в поэзии Лохвицкой. Разнообразны у нее облики «новой женщины», стремящейся с помощью творчества завладеть своим счастьем и отождествляющей счастье со сладострастьем. В последней части второй главы «А. Ахматова и М. Лохвицкая: сопряжения и отталкивания» ценными являются размышления о сходстве и различии в отношении к вещам, которые, как правило, прописываются женщинами с особым вниманием. Вещный мир у Лохвицкой «обескровливается» ее мифопоэтическими построениями — и пси-

хологизм становится более условным. При всей погруженности героини в «грех и страсть» ее порыв напоминает порыв романтического героя к свободе самовыражения в дуалистическом мире, его цель — полет над облаками (см. разбор стихотворения «Если б счастье мое было вольным орлом...», 1891). Отметим удачный анализ образов сада у Лохвицкой и Ахматовой с учетом особенностей лирического хронотопа (стихи «Мой сад» (1896–1898) и «Сад» (1911)). А вот вывод в конце главы кажется излишне жестким, цитирую: «лирический субъект в творчестве первой <Лохвицкой> демонстрирует некое однообразие психической жизни, он чаще всего статичен, однозначен, в то время как в лирике последней <Ахматовой> возникает *психологизм*, и раскрывающий *различные состояния души* героини, и наделяющий психологической значимостью *разные элементы художественного мира*» (с. 108).

В последней главе Лувэй Цзоу и М. Михайлова собрали материалы, свидетельствующие о раскрепощении женщины в России 1910-х годов: статьи и выступления Л. Столицы, М. Шагинян, М. Моравской, Е. Нагродской, Анны Мар. Разбор лирики Любови Копыловой, Надежды Львовой и Веры Инбер убедительно демонстрирует понимание значения Ахматовой ее современницами, которые «заимствовали» образы, «копировали» детали, «воспроизводили» диалоги и монологи, но при этом не смогли избежать экзальтированности и непростоты. Добавим к этому, что, возможно, многим поэтессам Серебряного века не хватило самоиронии и самоумирения личности (это, однако, отдельная тема). В женской поэзии первых десятилетий XX века со временем обнаруживаются полнота духа героинь, их подвижничество и, соответственно, те психологические построения, которые, по определению авторов, можно назвать «онтологическим» психологизмом.

Поступила в редакцию 20.09.2024

Принята к публикации 18.02.2025

Отредактирована 06.03.2025

Received 20.09.2024

Accepted 18.02.2025

Revised 06.03.2025

ОБ АВТОРЕ

Шевчук Юлия Вадимовна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН; julyshevchuk@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yuliya Shevchuk — DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature, RAS; julyshevchuk@yandex.ru